

В. И. Пефтиев**У истоков исторической антропологии в России в эпоху перемен: М. Е. Салтыков-Щедрин**

Культурология как наука интегративная (собирательная, композитная) за последние несколько десятилетий стала достойным соперником традиционных отраслей знания (литературоведение, история, философия, экономика, психология). Историческая антропология (гуманитарные знания) отпочковалась от основного древа культурологии благодаря диверсификации своей методологии и совершенствованию инструментов анализа. Она вобрала тезис экзистенциализма – сознание как форма бытия, вторичная от предшествующей реальности. Триада мысль – слово – текст породила многозначность понятия и феномена «дискурс» как послания творца обществу и человеку. Россия являет собой неординарный тип цивилизации с заторможенным и тернистым «ответом» на «вызов» (А. Тойнби). Культурология многим обязана реабилитацией антропологии (Б. Малиновский, М. Мосс, К. Леви-Стросс и др.).

В статье заявлена проекция исторической антропологии в эволюционной динамике на ведущие произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, но без «подгонки» его взглядов под современные концепции. Прослежены основные достижения литературоведения по Салтыкову-Щедрину (от первых биографов – С. Н. Кривенко и К. К. Арсеньев) и до новейших публикаций (И. Б. Павлова). Выделены различные реакции сословного общества (чиновники, дворяне, крестьяне) на изменения в обществе (до и после реформ 60-е гг. XIX столетия). Показана актуальность отдельных идей М. Е. Салтыкова-Щедрина для потомков, образующих его литературное завещание (земные «забытые слова»).

Ключевые слова: культурология, историческая антропология, социально-культурные типы российского общества XIX в., М. Е. Салтыков-Щедрин.

V. I. Peftiev**At Historical Anthropology Sources in Russia during Changing Times: M. E. Saltykov-Shchedrin**

The cultural science as an integrative (collective, composite) science for the last several decades became a worthy rival of traditional fields of knowledge (literary criticism, history, philosophy, economy, psychology). The historical anthropology (humanitarian knowledge) separated from the main tree of cultural science thanks to diversification of the methodology and enhancement of analysis means. It incorporated the thesis of existentialism – consciousness as a life form, secondary from prior reality. The triad thought-word-text generated polysemy of the concept and phenomenon «discourse» as a message of the creator to society and the person. Russia is an extraordinary type of civilization with the slowed-down and thorny «answer» to «challenge» (A. Toynbee). The cultural science is obliged a lot to rehabilitation of anthropology (B. Malinovsky, M. Moss, K. Lévi-Strauss, etc.).

In the article the projection of historical anthropology in evolutionary dynamics is declared on the leading works by M. E. Saltykov-Shchedrin, but without adjustment of his views under modern concepts. The main achievements of literary criticism according to Saltykov-Shchedrin (from the first biographers – S. N. Krivenko and K. K. Arseniev) and up to the latest publications (I. B. Pavlov) are traced. Various reactions of class society (officials, noblemen, peasants) to changes in society are allocated (before and after reforms of the 60-s years of the XIX century). Relevance of M. E. Saltykov-Shchedrin's ideas for descendants forming his literary will (terrestrial «forgotten words») is presented.

Keywords: culturology, historical anthropology, social-cultural types of the Russian society in the 19-th century, M. E. Saltykov-Shchedrin.

Культурология как наука интегративная (собирательная, композитная) на наших глазах стала достойным соперником традиционным отраслям знания (литературоведение, история, философия, экономика, психология). Она (культурология) имеет долгую историю, часто в эмбриональном (зародышевом) состоянии, без осознанной самоидентификации, в рваном ритме своего жизненного цикла. Историческая антропология (гуманитарные знания) – одно из ведущих направлений (особая ветвь) в культурологии [6]. Ретроспективная проекция на творчество Михаила Евграфовича Салтыкова (Н. Щедрин), полагаем, дает основания видеть в его произведениях глубокую рефлексию и поразительную интуицию в характери-

стике социокультурных типов русского общества до и после реформ 60-е гг. и последующих десятилетий. Литературные персоналии М. Е. Салтыкова-Щедрина стали нарицательными и оставили о себе неизгладимые воспоминания у современников и потомков.

Культурология самобытна своей методологической диверсификацией, изменяемой геометрией исследовательских подходов, с частичной совместимостью познавательных потенциалов. Здесь апробирован философский экзистенциализм (Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр) со своим набором базисных понятий: сознание как форма бытия (вторичная от предшествующей реальности); интенция (намерение) и множественность образов объ-

екта наблюдения; акцент на эпохальные события и «травмы», ими вызванные и др. [13]. Триада *мысль – слово – текст* породила многозначность феномена и понятия «дискурс» как послания творца обществу и человеку (плеяда французских культурологов) [8]. Россия являет собой неординарный тип «Славного тридцатилетия» цивилизации (православной в типологии А. Дж. Тойнби), что не могло не сказаться на заторможенном и тернистом «ответе» на «вызов» веков [11]. Культурология многим обязана реабилитацией антропологии (Б. Малиновский, М. Мосс, К. Леви-Стросс) и вниманием к обустройству и поведению человека в обществе, с конкретными параметрами времени и пространства [12]. Именно историческая антропология заявлена в данной статье в проекции на творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина, но без поспешной модернизации («подгонки» его взглядов под современные концепции).

М. Е. Салтыков – непревзойденный сатирик, литературный критик, дельный редактор, неподражаемый сказочник. Более трети века интенсивная работа над текстами и образами; всегда в центре общественных дискуссий. Никто из русских писателей не превзошел его по числу произведений и – главное – по тематическому разнообразию повестей, очерков, этюдов, размышлений. Почти всегда под прицелом оппонентов, а то и недругов. Критики ерничали по поводу мелкотемья фельетонов (иногда соглашался со статусом «летописца минуты»), ругали за гротеск, предвзятость, преувеличения, возмущались крепкими выражениями. Один из его первых биографов Константин Константинович Арсеньев (1837–1919) предвидел наступление времени безоблачной славы Салтыкова, когда исчезнут «следы злобы дня, тяготевшей над сатириком, забудется все случайное и преходящее в его произведениях – останутся лучшие его страницы и займут место между неумирающими памятниками русского искусства и русской мысли» [1, с. 253]. С рубежа XIX–XX вв. издания сочинений Салтыкова-Щедрина следуют один за другим, с разным числом томов и с видимой несхожестью вступительных статей и комментариев, особенно в советскую эпоху. Амплуа Салтыкова-Щедрина как сатирика не подвергается ни малейшему сомнению. Но подзабыта грань его гения, особо ценимая современниками, – пульсирующая мысль исследователя российского общества на развилках его истории, мастерство «сгущения мысли» (А. А. Потебня¹), умения видеть издержки преобразований и извращений в образе жизни разных сословий по ходу адаптации к ним. Именно поведенческие парадоксы и аномалии формируют сегодня «жесткое ядро» исторической

антропологии, с выделением общего, особенного и уникального в культуре и менталитете нации – государства.

Самопознание Салтыкова-мл. начинается в Царскосельском лицее. Его вдохновляла амбиция быть вторым Пушкиным (13-й выпуск). Юношеские стихи (9) опубликованы незамедлительно². Но в зрелые годы не любил вспоминать грехи молодости: краснел, хмурился, пытался замять разговор. Более того, сатирик мог на пике эмоций обозвать поэтов «сумасшедшими людьми», которые естественную человеческую речь пытаются втиснуть в размеренные рифмованные строчки. Проскальзывало и обидное для поэтов и поэзии – «литературный разврат». Коллеги по «Современнику» вспоминают, что Н. А. Некрасов читал ему одному из первых свои новые стихотворения [1, с. 5]. Первый вызов судьбы, новый маршрут призвания.

Его ум воспитали мечтания поколения 40-е гг. XIX столетия. Примкнул к западникам, кружку меньшинства (М. В. Буташевич-Петрашевский, 1821–1866). Салтыкова вдохновляли не софизмы немецкой философии (кружок Белинского), а политико-экономические прожекты из Франции (Фурье, Сен-Симон, Луи Блан, а также идеи эмансипации личности Жорж Санд). Противники принципов 1789 г. и Республики воспринимались как личные враги. Передовая молодежь физически существовала в Петербурге, но духовно переносилась в Париж – светоч Европы. Видимо, пережитое в 40-е гг. отразилось без ретуши в воспоминаниях героя повести «За рубежом» (1880–1881 гг.). В IV главе зафиксированы впечатления русского в Париже 70-х гг. Они троякого плана. Во-первых, товарное изобилие в магазинах и ресторанах (первые этажи зданий). Во-вторых, француз живет на улице. В-третьих, русский понимает мотивы страсти к ораторскому искусству, идущему от Великой Французской революции, – страдания, возмущения, раздражения от произвола власти [9, с. 539–545, 552, 563].

Третий шок, внезапный, но длительный и тягостный по последствиям – ссылка в Вятку и далее различные административные должности в Рязани, Твери, Туле. Повод для ссылки (28 апреля 1848 г.) – в духе правления Николая I (рвение цензуры, незамедлительная реакция военного министра на непослушание и вольнодумство подведомственного ему чиновника). Вынужденный отрыв от любимого дела (писательства) растянулся на 7 лет. Биографы М. Е. Салтыкова-Щедрина немногословны о переживаниях и размышлениях опального чиновника с незаурядными способностями.

Четвертая бифуркация (развилка) в жизни и творчестве М. Е. Салтыкова совпала с Крымской войной. Тревожные вести одна за другой приходили с театра военных действий. Наши войска на пути в Крым голодали, мерзли, гибли. Раскрывались факты и чудовищные масштабы продажности, непорядочности, бездарности. Обнажилась безнадежная несостоятельность старых порядков, державшихся на цензуре и ссылках. В эту решительную и скорбную для отечества ситуацию продавалось все, повсюду, за гроши и крупный куш. С отечеством обращались наглым и бесцеремонным образом. Эти беды отражены в «Губернских очерках» (1856–1857 гг.). Там вы встретите портреты чиновников – не нравственных уродов, а рядовых служаков, неспособных к срочным действиям и нормальному взаимодействию. Хаос дореформенных установлений и учреждений не устранила смена мундиров чиновников с фрака на кафтан. С конца 50-е гг., в предчувствии неизбежных перемен, журналисты и общественное мнение фиксируют растущую агрессию дворян и к властям в Петербурге, и к своим крестьянам.

Отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы (земская, городская, судебная) – это картина конфуза, то есть неурядиц с исполнением объявленных преобразований. Горизонт надежд улетучился где-то к середине 60-х гг. Отставка М. Е. Салтыкова (14 июня 1868 г.) позволила сатирику внимательно приглядеться к тому, кто и как противодействует реформам. Ни одна из реформ формально не была отменена, но основные положения каждой – это мертвые буквы законов. Усилилась власть губернаторов, мельчали и учреждения, и люди. Чиновники освободили себя от всякой подготовки к исполнению решений из Петербурга, искали внутренних врагов, проявляли пренебрежение к будничным мелочам службы. Этот фазис развития сатиры Салтыкова-Щедрина (1868–1874 гг.) дал русской литературе рельефные и живые типы чиновников и провинциалов в 4-х сериях: «Призраки времени», «Письма из провинции», «Дневник провинциала в Петербурге», «Помпадуры и помпадурши». Пореформенные манеры поведения обогатили палитру устройства бывших и новых «столпов» провинциальной жизни:

- современные «хищники»;
- «гулящие» у себя дома и за границей;
- люди с фантазиями, преувеличениями, так называемая «небывальщина».

Явное и скрытое Соппротивление реформам не могло не завершиться застоём. Балканская война 1877–1878 гг. обострила внутренние противоречия российского общества. Внутренняя смута ско-

вывала редкие инициативы имперской власти. Улица как очаг шкурных инстинктов побеждает здоровое общественное мнение. «Хищники» (кабатчики, менялы, подрядчики и пр.) высмеивают «дураков» – тех, кто не хочет и/или не может воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств для личного обогащения. Сделки с совестью, с нравственностью, с убеждениями не вызывают общественного протеста и личного неприятия. Интеллигенция из разных сословий – масса инертная, придавленная, пассивная и в явном меньшинстве. Дворянская хандра приобрела характер психологической инфекции.

Конституционные мечтания развеялись с воцарением на престол Александра III. Призыв «Пора, наконец, за дело взяться!» вскоре становится просто фразой. Земские начинания полезны, но сатирик ясно видит подводные камни в их деятельности. И главная беда земцев – погружение в океан мелочей. Тяжелая болезнь не могла не сказаться на тональности произведений писателя, таких как «Пестрые письма» (в журнал «Вестник Европы», с 1885 г.), «Мелочи жизни» (1887 г.), «Пошехонская старина» (1888–1889 гг.).

Наше повествование о гениальном писателе М. Е. Салтыкове-Щедрине вкратце, почти скороговоркой отразило его 7 жизней, экзистенциальных развилочек. И при каждой метаморфозе исторического контекста наш герой плотно приставал к современности, проявляя виртуозную наблюдательность, создавая меткие и сочные метафоры, глубоко проникая в «чужую» жизнь, ее закоулки и прегрешения. Бурная эпоха рождает большого сатирика. И таковой была Россия в XIX столетии, какой ее видел, переживал и описывал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Историческая антропология имеет немалые шансы на долголетие благодаря способности менять маршруты (траектории) исследовательских поисков. Нас заинтересовали поколенческие различия в трактовке жизни и наследия самобытного сатирика. Современники М. Е. Салтыкова-Щедрина восторгались и, напротив, негодовали не единожды на его социально-психологические портреты статусных людей в России (чиновников, дворян, крестьян, разночинцев). Библиограф «Русской мысли» (1889, № 12) безошибочно определил писательскую манеру покойного как «Летопись идей и направлений»; в ней автор наносил с правдивостью, ни перед чем не останавливающегося, все то, «чем жили в данную минуту» так называемые руководящие классы, что они «за душой имели» и что могли дать руководимым» [Цит. по 2, с. 3]. Эту черту отметил и биограф С. Н. Кривенко: «Это один из замечательных

людей эпохи преобразований, которая целиком отразилась в его произведениях, со всеми нашими недугами и слабостями» [5, с. 111]. Н. Денисюк систематизировал отзывы современников (за десятилетие, 1889–1899 гг.) о произведениях Салтыкова-Щедрина [3]. Этот источник, к сожалению, редко вовлекался в научный оборот.

Идеологическая цензура марксизма-ленинизма десятилетиями довлела над советским литературоведением, в том числе и в адрес Салтыкова-Щедрина. Тем не менее случались профессиональные монографии, плодотворные статьи и открытия новых сюжетов и граней³. Акад. А. М. Бушмин в итоговой монографии представил панораму художественного мира Салтыкова-Щедрина: своеобразие реализма; многообразие жанров; образ рассказчика в повествовании (нарративе); назначение и пределы гипербола и фантазий, эзоповское иносказание [2]. Изюминкой, на наш взгляд, являются изыскания академика о перипетиях взаимоотношений М. Е. Салтыкова-Щедрина и Эмиля Золя и почти детективная история конкуренции двух журналов («Вестник Европы» и «Отечественные записки») за сотрудничество французского писателя (школы натурализма, экспериментального романа) (1875–1876 гг.) [2, с. 348–357]. О Салтыковской манере можно судить по цитате из письма П. В. Анненкову: «Теперь, в моих глазах, из всех произведений Золя только «*Ventre de Paris*» существует. Психология вещь произвольная, тут, как ни называй, – или не донижешь, не перенижешь. И выйдет рыло косое, подрезанное, не человек, а ком» [2, с. 350].

Постсоветская Россия не балует своих читателей прорывными монографиями о жизни и творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина [4]. И лишь И. Б. Павлова (Институт мировой литературы им. А. М. Горького) обратилась к актуальному сюжету – судьба России, раскрывая его взгляды на Русь (с древнейших времен) и отражение ее истории в летописях, на духовном идеале и скорби народа [7]. В парадигме исторической антропологии ею сделан нестандартный акцент на время и пространство в художественном мире Салтыкова-Щедрина (Петербург и Москва, провинция и глушь, город и усадьба). И для каждого места проживания сатирик находит яркие и запоминающиеся образы: Петербург – дворник с метлой, провинция – уродливая колея и пыльные дороги, усадьба – несносно тянущееся время, дворянское гнездо, убежище [7, с. 47–85]. Ученый фиксирует и парадокс: после реформы 1861 г. вместо оживления и инициативы на практике в провинции произошло еще большее погружение в безмолвие, временной застой [7, с. 60].

В наследии любого великого мыслителя всегда сосуществует устарелое (для писателя – «литературный балласт»), непреложное (вечные образы и типы российского общества), утопия (величие, справедливость и порядок) и невостребованное.

В послании М. Е. Салтыкова-Щедрина потомкам автор статьи обнаруживает три невысказанные идеи. Во-первых, предупреждение о неизбежном сопротивлении части общества (а на первых порах и большинства) значимым преобразованиям. Во-вторых, судьбы России и Франции (идеал 40-е гг. для будущего сатирика) несхожи по общественному устройству и поведению человека в изменяющемся мире. И тем не менее их роднят закрученные спирали и искаженные синусоиды общественного развития: революции во Франции (1789, 1830, 1848, 1871) и катастрофы в войнах с Россией и Германией; Россия как вершитель судеб Европы (с 1815 г.) и Крымская война, великие реформы 60-х и медленное сползание в политический застой 80-е гг. XIX столетия. В-третьих, талантливый бытописатель, помимо своей воли и сознания, вносит в свои произведения зародыши перспективных открытий в социогуманитарных науках. Эти авторские гипотезы целиком и полностью относятся и к Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину.

Библиографический список

1. Арсеньев, К. К. Салтыков-Щедрин (Литературно-общественная характеристика) [Текст] / К. К. Арсеньев. – СПб. : Общ. польза, 1906. – 287 с.
2. Бушмин, А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина [Текст] / А. С. Бушмин. – Л. : Наука, 1987. – 365 с.
3. Денисюк, Н. Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. Выпуск пятый [Текст] / Н. Денисюк. – М. : Изд-е А. С. Панафиной, 1905. – 398 с.
4. Дмитренко Сергей. Салтыков (Щедрин). Главы из книги [Текст] / Сергей Дмитренко // Новый мир. – 2016. – № 4. – С. 94–133.
5. Кривенко, С. Н. М. Е. Салтыков, его жизнь и литературная деятельность [Текст] / С. Н. Кривенко. – СПб. : Изд-е Ф. Повленкова, 1891. – 112 с.
6. Кобрин, Кирилл. К истории одной апологии. Марк Блок между историей и исторической антропологией [Текст] / Кирилл Кобрин // Неприкосновенный запас. – 2016. – № 1. – С. 76–96.
7. Павлова, И. Б. Судьба России в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / И. Б. Павлова. – М. : Спутник, 2006. – 134 с.
8. Пештиев, В. И. Философия «Славного тридцатилетия во Франции»: что она дает литературе? [Текст] / В. И. Пештиев // Философия и/или новые интегративные знания – 4 : сб. мат. Всерос. науч. конф. – Ярославль : ЯГПУ, 2015. – С. 132–140/247.

9. Салтыков, М. Е. (Н. Щедрин) Полн. собр. соч. Т. 8. Четвертое издание [Текст] / М. Е. Салтыков. – СПб. : Изд-е А. Ф. Маркса. – 720 с.

10. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. [Текст] : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Том первый. – М. : Худ. лит., 1965. – 463 с.

11. Тойнби, Ар. Дм. Постигание истории [Текст]. – СПб. ; М. : Прогресс, 1991. – С. 106–113, 736.

12. Эриксен, Томас Хилланд. Что такое антропология? [Текст] / Томас Хилланд Эриксен. – М. : ВШЭ, 2014. – С. 44–55. – 238 с.

13. Методологические проблемы публикации философских текстов : материалы конференции – «круглого стола» [Текст] // Вопросы философии. – 2016. – № 3. – С. 35–39.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arsen'ev, K. K. Saltykov-Shhedrin (Literaturno-obshhestvennaya karakteristika) [Текст] / К. К. Арсен'ев. – СПб. : Obshh. pol'za, 1906. – 287 с.

2. Bushmin, A. S. Hudozhestvennyj mir Saltykova-Shhedrina [Текст] / А. С. Бушмин. – Л. : Nauka, 1987. – 365 с.

3. Denisjuk, N. Kriticheskaja literatura o proizvedenijah M. E. Saltykova-Shhedrina. Vypusk pjatyj [Текст] / N. Denisjuk. – М. : Изд-е А. С. Панфилиной, 1905. – 398 с.

4. Dmitrenko Sergej. Saltykov (Shhedrin). Glavy iz knigi [Текст] / Sergej Dmitrenko // Novyj mir. – 2016. – № 4. – С. 94–133.

5. Krivenko, S. N. M. E. Saltykov, ego zhizn' i literaturnaja dejatel'nost' [Текст] / S. N. Krivenko. – СПб. : Изд-е F. Povlenkova, 1891. – 112 с.

6. Kobrin, Kirill. K istorii odnoj apologii. Mark Blok mezhdru istoriej i istoricheskoi antropologii [Текст] / Kirill Kobrin // Neprikosnovennyj zapas. – 2016. – № 1. – С. 76–96.

7. Pavlova, I. B. Sud'ba Rossii v tvorchestve M. E. Saltykova-Shhedrina [Текст] / I. B. Pavlova. – М. : Sputnik, 2006. – 134 с.

8. Peftiev, V. I. Filosofija «Slavnogo tridcatiletija vo Francii»: chto ona daet literature? [Текст] / V. I. Peftiev // Filosofija i/ili novye integrativnye znanija – 4 : sb. mat. Vseros. nauch. konf. – Jaroslavl' : JaGPU, 2015. – С. 132–140/247.

9. Saltykov, M. E. (N. Shhedrin) Poln. sobr. soch. T. 8. Chetvertoe izdanie [Текст] / М. Е. Салтыков. – СПб. : Изд-е А. Ф. Маркса. – 720 с.

10. Saltykov-Shhedrin, M. E. Sobr. soch. [Текст] : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Том первый. – М. : Худ. лит., 1965. – 463 с.

11. Tojnbi, Ar. Dm. Postizhenie istorii [Текст]. – СПб. ; М. : Progress, 1991. – С. 106–113, 736.

12. Jeriksen, Tomas Hilland. Chto takoe antropologija? [Текст] / Tomas Hilland Jeriksen. – М. : VShJe, 2014. – С. 44–55. – 238 с.

13. Metodologicheskie problemy publikacii filosofskih tekstov : materialy konferencii – «kruglogo stola» [Текст] // Voprosy filosofii. – 2016. – № 3. – С. 35–39.

¹ Александр Афанасьевич Потебня (1835–1892) – выдающийся языковед, последователь идей Вильгельма Гумбольдта, автор труда «Мысль и язык» (1862). Его идеи о соотношениях языка (слова) и мысли опередили на десятилетия аналогичные открытия зарубежных филологов. Слово для говорящего (с известной коррекцией и для пишущего. – В. П.) есть средство преобразования впечатления для создания новой мысли. Слово как представление обеспечивает быстроту мысли. Слово предстает как образ, обобщение, анализ значений и приближает нас к смыслу феномена. Классический пример в аргументации А. А. Потебни – деньги, инструмент и эквивалент в сфере обмена благ. См.: Потебня, А. А. Собрание трудов. Мысль и язык. Подготовка текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева. – М. : Лабиринт, 1999. – С. 212–217, 224–300. Метафоре «сгущение мысли» посвящена глава X биографического очерка Л. А. Булаховского (Киев: изд. КГУ, 1952, 45 с.).

² Стихи начала 40-е гг. навеяны позицией Гейне, Байрона, Гюго. О стихотворном наследии сатирика известно из автобиографической записки 1878 г. Нами выделена «Песня» (Из Victor Hugo) «Autre chanson». Она найдена в списке лицеиста Н. П. Семенова (ИРЛИ) и впервые опубликована в сб. «Литературное наследство» (Т. 13–14, 1934). Изумительный повтор (почти припев):

«Небесная дева,
 Души моей рай,
 Проснись! И напевам
 Поэта внимай!» [10, с. 356–357, 445]

³ В советские годы творческий дар Салтыкова-Щедрина исследовали Р. И. Иванов-Разумник, М. С. Ольминский, С. А. Макашин, В. Я. Кирпотин, Е. И. Покусаев, А. С. Бушмин, Д. П. Николаев и др. К. Тюнькин успел издать в серии «ЖЗЛ» биографию Салтыкова-Щедрина (М., 1989). Сатирик не оставил литературного завещания, но, по свидетельству родных и друзей, обдумывал замысел – написать произведение под названием «Забывшие слова». О чем они? Видимо, о том, что жизнь – это не озорство, а дело. Правдоподобна и другая версия: о чести, о былой славе России, о терпимости, о совести. Не погрешит против истины и вывод К. Тюнькина: движение истории, по Салтыкову, в конечном счете есть преодоление «мелочей и призраков» силою свободной человеческой мысли, силою «неумирающих» идеалов. См.: Тюнькин, К. Н. Салтыков-Щедрин. – М. : Мол. гв., 1989. – С. 577–621.